

А. М. Сулейменова

*Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690950, Россия*

aidissimo@mail.ru

ОБРАЗЫ ДЕТСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯПОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ*

Рассматриваются особенности произведений японских писателей Нового времени – первой половины XX в., посвященные детям. Объектами исследования являются повести и дневники известных писательниц Ёсано Акико (1878–1942) и Окамото Каноко (1889–1939). Специфика произведений для детей заставляет оценивать данные произведения в комплексном плане с учетом существования словесной культуры детства, в которой язык и художественные образы находятся в постоянном взаимодействии, взаимовлиянии и взаимопроникновении. Лингвокультурологической особенностью обсуждаемых работ является индивидуализация опыта подростка, вступающего в жизнь в период встречи цивилизаций Востока и Запада. Анализируется аксиологическая картина мира, складывавшаяся в сознании читателей подобных произведений, которые стали носителями специфического менталитета японцев 1910–1930-х гг. В произведениях авторов-женщин анализируются особенности дидактического подхода Ёсано Акико и Окамото Каноко к читателям-детям. Первая писательница противопоставляет мир образованных людей миру феодальной косности и закрытости, знакомит юного читателя с открытиями, сделанными ею самой и героиней ее повести. Вторая поэтесса и писательница выражает собственную позицию к поискам места в жизни, которыми занят ее сын Таро.

Ключевые слова: японская детская литература, повести для детей, аксиология, система ценностей, сравнительная лингвокультурология.

В конце XIX – начале XX в. японская детская литература находилась в поиске выразительных средств, для чего во многом ориентировалась на высокие образцы европейской и русской литературы – сказки Г.-Х. Андерсена, братьев Гримм, Л. Н. Толстого. Надо отметить, что образы детей складывались под влиянием романтического, идеализированного подхода к изображению маленького человека. Настоящие писатели старались помочь подрастающему поколению найти дорогу к главному – к уважению и признанию ребенка как личности, как человека со всей мерой обязанностей перед обществом. Для этого авторы обращались к внутреннему миру ребенка, показывая, как формируется личность, доверяя ребенку судить окружающий мир и ориентироваться среди сложных перипетий взрослой жизни.

С точки зрения жанровой принадлежности детская литература в Японии – сложное явление, на развитие которого повлияло становление литературных обществ, курировавших популярные детские и женские журналы эпохи, общая грамотность японцев, традиционное воспитание и обновленное школьное образование, впитавшее западные идеи. В этом смысле

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Дальневосточного федерального университета, программа «Научный фонд», проект № 12-05-04110-01 «Проблемы современной японской литературы и литературы Восточной Азии».

произведения для детей (как прозаические, так и поэтические) являют собой объект дальнейшего исследования для антропологов и историков искусства.

Вопрос о произведениях для детей всегда затрагивает проблему создателя, писателя, конструирующего своего читателя – ребенка по своему образцу, с одной стороны, а с другой стороны, воспитывающего и рассказывающего о мире вокруг. На Ёсано Акико (1878–1942) и Окамото Каноко (1889–1939) следует смотреть, как на матерей, напевающих песни, рассказывающих истории и сказки собственным детям. В этом процессе общения с собственными детьми, процессе, внешне кажущемся рутинным и абсолютно нетворческим, талантливые женщины закладывают в души детям представления о добре и зле, о месте человека в жизни, о великой природе вокруг, о том, что такое есть человек.

Ёсано Акико, выдающаяся японская поэтесса, приобрела известность благодаря сборникам пятистиший *танка* «Спутанные волосы» («Мидарэгами», 1901), «Маленький веер» («Саоги», 1904), «Наряд любви» («Коигоромо», совместно с Ямакава Томико, Масуда Масакко, 1905). Тем не менее первые удачи на поэтической стезе не совсем ее удовлетворили, поэтому автор «Спутанных волос» обращается к прозе, в том числе к форме детского рассказа.

После закрытия общества «Синсися» («Общество новой поэзии») и журнала «Мёдзё» («Утренняя звезда», 1900–1908) Акико и ее супруг Ёсано Тэкан (1872–1935), поэт, редактор и критик, были вынуждены зарабатывать на жизнь только сочинительством, поэтому семью Ёсано в 1900–1910-х гг. трудно назвать обеспеченной. В семье подрастало шестеро детей, но именно в это неблагоприятное время мать семьи начинает сочинять, рассказывать и записывать рассказы для детей, сказки. Среди опубликованных сборников Акико такие, как «Сказки для девочек и мальчиков» («Отогибанаси сэнэн сёдзё», 1907), «Восемь ночей» («Ятцу-но ёру», 1914), «Реченька» («Унэ-унэгава», 1915), «Скоро приду» («Иттэ маиримас», 1919), завоевали своего читателя.

Отношение Ёсано Акико – матери и писательницы одновременно – становится определяющим в этом случае. Под персонажами в сказке «Рыбки-слуги» и рассказе «Николай и Бун-тян» подразумеваются настоящие дети Акико. Старшие сыновья Хикару, Сигэру и дочь Яцуо с помощью рыбок и озорного мальчугана Бун-тяна познают мир, дают ему собственную оценку и пытаются взаимодействовать с ним.

Автор Акико вводит традиционный образ животного – рыбок в ткань сказки как атрибут жанра, пускает их по Токио, новому городу с поездами, станциями, знакомит озорника Бун-тяна с православной церковью, собором «Никорай-до» и колокольным звоном. Дети вступают не в традиционную Японию – с жизнью, регламентированной конфуцианскими и буддистскими предписаниями (храмовые школы «тэра-коя», кварталы увеселений и прочее, доставшееся от предыдущих эпох), а в Токио, постепенно превращающийся в многонациональный, мультикультурный центр.

Стремление передать новые веяния, изменения в жизни были не чужды и другим авторам, в частности Ёсано Акико, и это желание она постаралась изложить в рассказе «Год из жизни Тамаки» (1912). Впервые эта повесть была опубликована в журнале «Друг девочек» («Сё:дзё но томо») с января по декабрь 1912 г. Публикация совпадает с временем путешествия супругов Ёсано в Европу, и в содержании произведения слышны отзвуки путевого дневника «Из Парижа» («Пари ёри», совместно с Ёсано Хироси, 1912).

Муж Акико, Хироси (псевдоним Тэкан, 1872–1935), отправился в Европу на полгода раньше Акико, в ноябре 1911 г. В повести для детей писательница использовала записки мужа, его впечатления о поездке зимой. Совершить поездку в Европу для обычных людей того времени было делом фактически невыполнимым, но многие лелеяли мечту о посещении запада, и перед писателями, авторами статей и рассказов для детских и молодежных журналов, встала задача удовлетворить любопытство читателей. Было чрезвычайно привлекательно выбрать главной героиней маленькую девочку, путешествующую по европейским городам. Для этого в оправдание такого путешествия в сюжет повести внедряется отец героини, служащий министерства, находящийся за границей по служебным делам. Тем самым объясняется высокое положение Тамаки, посещающей в первых главах повести дома высокопоставленных господ, в частности, особняк контр-адмирала Тацуи, дом госпожи «Её Превосходительство» («Кими-сама»), перед которой склоняются самые разнообразные пер-

сонажи. Другой персонаж повести, подружка Тамаки, Ринко, также дочь благородного семейства.

Героине Тамаки тринадцать лет. Будучи единственным ребенком в семье, она выросла в атмосфере родительской любви, ни в чем не ограничиваемой. Тамаки родилась в Токио, но в описываемый в повести период семья переезжает из Токио в Киото. Данный на первых страницах портрет юной героини также соответствует запросам юных читательниц: Тамаки – прелестное дитя, простодушное и доброжелательное. Исследовательница творчества Ёсано Акико Фурусавы Юкико полагает, что повесть «Год из жизни Тамаки» является воспитательным произведением, работой типа *Bildungsroman* [Фурусавы, 1997. С. 109]. В планы Акико входило создание некоей идеальной девочки-героини, центра семьи, на примере жизненных приключений которой можно было бы показать становление характера и его проявление в отношениях с другими людьми. Эти идеи поэтессы и писательницы были озвучены ею позже, в серии лекций для Института культуры, Бунка Гакуин (文化学院)¹.

Сама Ёсано Акико была воспитана на романтических тенденциях в культуре Нового времени Японии, поэтических сборниках Симадзаки Тосона (1872–1943). Герои и героини Тосона были отмечены вольным духом индивидуализма, совершенно отличного от консерватизма предыдущей эпохи феодальных устоев. Главная героиня детской повести Тамаки являет собой образец подобного поколения «детей звезд», способной свободно перемещаться по миру для достижения собственных целей.

Первая часть, завязка повести, составляющая примерно шесть глав, посвящена обстоятельствам, по воле которых главная героиня встречается и теряет свою подружку Ринко. Тамаки бесстрашно пускается на поиски своей пропавшей подружки Ринко, узнает, что вокруг дома, где живет ее подруга, ходит масса слухов, что особняк на углу называют «домом с привидениями» («о-бакэ-ясики»). Героиня одна посещает дом, ее пугают странные звуки, на стене неожиданно появляется надпись: «Ринко находится вон там!». Тамаки входит в указанную комнату и обнаруживает к своему ужасу фигуру, покрытую вуалью. Фигура оборачивается, и перед Тамаки встает потерянная было подружка Ринко.

Этот «дом с привидениями» олицетворяет закосневшие предрассудки бабушки Ринко, запрещавшей бедной подружке выходить к людям и обязавшей ее прятать лицо под вуалью. Таким образом, героиня сталкивается с иным отношением к человеческой судьбе, а юные читатели повести наслаждаются приемом, характерным для «готического романа». Приключения Тамаки ведут ее от этого страшного дома к возможной спасительнице Ринко, к госпоже «Её Превосходительство» («Кими-сама»), которой удаётся отговорить бабушку Ринко держать ребёнка взаперти и даже, наоборот, позволить девочке поехать к родителям, находившимся на государственной службе в Швеции. Фурусавы Юкико предполагает, что за героиней «Её Превосходительство» может скрываться поэтесса, автор сборников *танка* Кудзё Такэко (1887–1928), известная своей активной миссионерской работой и частыми поездками в Европу [Фурусавы, 1997. С. 111].

Повесть в этом месте делает крутой поворот: от приключенческой повести в духе средневековых «страшных рассказов» для детей, рассказов про домовых и призраков к путевым запискам. Тамаки удается отправиться в Европу вместе с подругой Ринко.

Главы повести, посвященные путешествию девочек в Европу, безусловно, навеяны опытом Акико, проехавшей по сибирской железной дороге и прожившей несколько месяцев в Париже, Лондоне и Брюсселе. Одна из сцен седьмой главы повести происходит в порту Владивостока, на палубе российского корабля. Героини – Тамаки, Ринко и сопровождающая их госпожа «Её Превосходительство» – готовятся пересечь на транссибирский экспресс, и перед глазами Тамаки «словно трепещет поднимающийся театральный занавес, за которым лежит весь мир...» [Ёсано Акико, 1998. С. 119].

В двух главах (8-я и 9-я) описываются впечатления Тамаки от Парижа, и становится понятно, что этот Париж – Париж, который в июне 1912 г. видела Акико. В десятой же главе героиню переносит воображение автора в Лондон, который также посетили супруги Ёсано.

¹ Бунка Гакуин (Институт культуры) – одно из первых общеобразовательных учреждений, специализировавшихся по изучению и преподаванию японской культуры. Был открыт в 1921 г. в Токио.

Здесь спутницей Тамаки становится необычное для повествования лицо – девочка Мари, нанятая госпожой «Её Превосходительство» для услуг в Париже и ставшая наперсницей японской девочки. Мари – уникальный персонаж уже потому, что говорит по-английски и по-японски. Первое вполне объяснимо, зато второе сомнительно, но дает возможность героине узнавать мир из более близкого ей источника – ровесницы. В ткань повести вводится персонаж-медиатор, с помощью которого ребёнок оказывается ближе к другому миру, миру второй европейской столицы.

Ёсано Акико сама в своих комментариях к заметкам и в других эссе отзывалась об английской столице как о свободном городе с массой мест, парков, по которым можно было вольно разгуливать [Фурусаву, 1997. С. 112]. Впечатления часто сопровождаются, как и в дневнике «Из Парижа», сравнениями с реалиями собственной страны. Например, в главе, посвящённой Лондону, девочки вспоминают красоту родных мест:

«Девочки направились в сторону, куда проехали машины великосветских дам.

– О, Тамаки, овечки! – внезапно остановившись, сказала Мари.

– Как много и какие хорошенькие!

– В Париже не выпускают овец, интересно, пойдём посмотреть на них!

Обе девочки вышли в парк. Овцы, совсем как олени в парке храма Касуга в Нара, разбрелись повсюду, ели хлеб из рук детей.

– Похоже на Японию, – сказала Тамаки.

– В Японии тоже есть овцы?

– Да нет, но вот, есть места, где так же держат оленей. Вот в парижских парках нельзя выходить на газон, а здесь можно свободно играть, это же весело!» [Ёсано Акико, 1998. С. 123–124].

В статье об образах детства разных культурных эпох М. Эпштейн и Е. Юкина отмечают, что «только романтизм почувствовал детство не как служебно-подготовительную фазу возрастного развития, но как драгоценный мир в себе, глубина и прелесть которого притягивает взрослых людей» [Эпштейн, Юкина, 1979. С. 242]. С одной стороны, работы Ёсано Акико служат иллюстрацией подобной очарованности детскими образами, с другой же – автор компенсирует недостаток собственной взрослости или нехватку детской чувствительности. Словом, идеализация образов девочек в произведениях японской писательницы – не только дань романтическим представлениям, создавшим миф из ребенка, но и поиски собственного стиля.

С точки зрения «романа воспитания» произведение Ёсано Акико полезно для изучения процессов познания, открытия мира, в которые вступают юные героини повести. В пределах родной Японии, известного им города Киото, таятся такие опасности, как совсем иной мир бабушки подруги. Этот мир изображается в первой части повести как тёмный, завешенный паутиной, мир косности и лицемерия. Он резко противопоставляется светлому, безоблачному миру девочки из благородного семейства с играми в парках, общению с разными людьми – взрослыми и детьми. Интересно, что тёмный мир традиционного японского дома, «дома с привидениями», противостоит новому миру, в произведениях Акико миру западному – Парижу, Лондону и Брюсселю. Обычно оценка встреченных в путешествии людей и увиденных мест имеет обобщённый характер, а также заметки в пути пишутся с желанием выделить «специфические черты чужого национального характера, которые *несвойственны* чертам его собственного этноса» [Василевич, 2010. С. 82]. Восторженное восприятие европейской культуры в случае Акико и Тэканна обусловлено всем модернистским опытом их работы в журнале «Мёдзэ» и общением с поэтами и писателями, проявлявшими интерес к европеизации.

Несколько иная ситуация сложилась в другой семье, двадцатью годами позже. Знаменитая японская писательница и поэтесса Окамото Каноко (1889-1939) также сделала значительный вклад в становление японской литературы – как поэзии, так и прозы. Родившаяся в семье крупного помещика, Каноко получила прекрасное образование, среда способствовала её литературным увлечениям. Например, брат Каноко учился в одном классе с будущим выдающимся писателем – Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965), в молодости юная девушка сочиня-

ла пятистишия танка, несколько стихотворений опубликовала в журнале «Мёдзё». Поэтическая манера Канoko первых сборников танка отмечена сильным влиянием Ёсано Акико. В 1930 г. поэтесса вместе с мужем, художником, автором комиксов «манга», Окамото Иппэй (1886–1948) и сыном Таро, который тоже стремился стать художником, втроем едут в Европу. Посетив Париж, супруги Окамото оставляют сына учиться в Сорбонне, отправляются в Лондон. Окамото Иппэй работал некоторое время в Лондоне корреспондентом газеты «Асахи симбун». С этого момента Канoko начинает писать свой дневник в письмах, который будет опубликован только в ее собрании сочинений.

Окамото Таро (1911–1996) учился в университете Пантеон-Сорбонна в тридцатых годах и создал много замечательных произведений искусства после Второй мировой войны. Он был талантливым художником-абстракционистом и писателем.

Цикл писем не включал в себя ответы Таро матери, читатель был принуждён додумывать сам атмосферу и отношения в этой семье. Писательница составила собственный дневник о вояже по Европе, обмениваясь письмами с сыном. «Отрывок из писем Таро» («Таро-э-но тэгами ёру», 1930–1934) включает следующие моменты:

«Повстречалась с авторами комиксов – Кереном и Дэрсо. Очень хорошие люди!
 Господин RI всё также тебе докучает?
 Надо тебе взять за правило – доверять только себе.
 Ставь себе более высокие цели.
 Ты всё ещё восхищаешься Сезанном? Всё так и живёшь, экономя на всём, так не позволяй же другим жить за твой счёт. Береги, береги себя!
 Можешь приехать в начале лета?» [Окамото, 2009. С. 429].

В первых письмах стиль представляет речь обычной женщины, в дальнейшей переписке автор обращается к сыну с помощью новых форм разговорного языка. Вопросительная частица нейтрально-вежливого японского языка «ка» заменяется на фамильярную частицу, в то время допускавшуюся только мужчинами – «кай».

Писательница противопоставляет Таро иным мужчинам из его окружения. Для неё есть позитивные «другие» (встреченные художники «манга», о которых она пишет сыну) и «отрицательные», вызывающие её настороженность и боязнь за сына. Канoko выделяет «опасного» «господина RI» формальным обращением «господин» («-си») вместо обычного нейтрально-вежливого «-сан».

Поездка в Европу для Канoko с мужем стала шансом прикоснуться к западной культуре. Но надеждам не было дано осуществиться, из-за болезни писательница покинет Европу.

«2 октября.
 Не смей пугаться, если читаешь это письмо.
 Прочти его спокойно.
 У меня случился первый апоплексический удар.
 Это было вечером в субботу, в гостинице “Токива Родзё”².
 На мгновение я отчаялась совсем. Но овладела силой, дарованной мне милостивой богиней Каннон, и победила битву со смертью.
 Я увидела рассвет новой Жизни.
 Если я смогла прожить сорок с лишним лет, ты также должен упрочить место своё на этой Земле и суметь обрести тихую жизнь, ты должен.
 Тебе следует учиться хорошо сейчас. Я сделала всё, от меня зависящее, у меня есть уверенность, что твоя жизнь будет спокойной в будущем. Не беспокойся.
 Три дня побуду в “Токива Родзё” и, наверное, можно вернуться в Хэмпстед дня на два.
 (На полях слева, в рамке)

Единственное средство, подносимое мною, чтобы смягчить твой страх – молитва “Наму Амида Буцу”³ [Окамото, 2009. С. 429].

² Гостиница в Лондоне.

³ «Наму Амида Буцу» – буддистское изречение, молитва.

Письмо заканчивается повышением интонации, вложенной в буддистскую молитву. Хотя весь тон письма традиционно сдержанный, игра с местоимениями и гонорифической адресацией превращает его в полный коннотаций. Письма матери перерастают в послание взволнованной женщины, писательницы Нового времени. Появляются изменения и в стиле современного автора, подразумевающего чуждое окружение. Окамото Каноко путешествует, она видит и чувствует разницу между собой и другими людьми, между собой и сыном, живущим вдалеке. Вот почему молитва так к месту, а не только потому, что женщина начинает задумываться о собственных жизненных достижениях и о будущем сына.

Эти наблюдения над дневниками-письмами и рассказами для детей несколько расходятся с выводами, которые делает А. Н. Мещеряков в «Книге японских обыкновений» о том, что японский ребенок воспитывается в атмосфере усреднения, нивелирования личности. «С самого детства будущего гражданина заставляют смотреть на себя глазами других. Мать внушает ребёнку, что его поведение не может идти вразрез с интересами группы – а иначе задрязнят, засмеют...» [1999. С. 216]. В письмах Каноко проявляется другая система воспитания, близкая, кстати, к той, что царила в семье Ёсано. Каноко поощряет Таро не быть такими, как все японцы. Ее сын находится вне своего родного социума, но и там, далеко от родины, он должен быть отличным от других, т. е. его поведение не должно быть таким, как предписывают нормальному выходцу из страны Восходящего солнца. Мещеряков сравнивает правила поведения для японских и для русских детей: «У нас провинившегося ребенка держат взаперти дома, не разрешая гулять, в Японии – не пускают домой, временно изолируя от семьи» [Там же. С. 215]. Отличавшийся от ровесников, Таро и вырос неординарным человеком, специфическое воспитание Каноко сыграло в этом, видимо, определенную роль.

Детская литература Японии стала объектом исследования критики только недавно, и необходимо определить истоки подобной литературы, жанровое разнообразие и характер воздействия на читателей. Представленные образцы работ, предназначенных для детей, являются вариациями на тему поиска себя в огромном мире, встреч в этом мире с другими, зачастую непохожими, людьми. Опираясь на данные повести и дневники, имеет смысл раскрыть аксиологическую содержательность всех произведений, связанных с ними, и составить представление о менталитете японцев XX в.

Список литературы

Василевич А. П. Откуда берется представление о национальном характере? // Вопросы психолингвистики. 2010. № 2 (12). С. 76–87.

Мещеряков А. Н. Книга японских обыкновений / Сост. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. 399 с.

Эпштейн М., Юкина Е. Образы детства // Новый мир. 1979. № 12. С. 242–257.

Ёсано Акико. Хаха-но аи. Ёсано Акико-но до:ва [与謝野晶子。母の愛。与謝野晶子の童話。松浦恵美子編。東京：婦人画報社]. Материнская любовь. Рассказы для детей Ёсано Акико / Под ред. Мацуура Эмико. Токио: Фудзин гахо:ся, 1998.

Окамото Каноко. Таро-э-но тэгами ёру [岡本かの子。太郎への手紙よる]. Из писем Таро. С. 426–457 // Окамото Каноко. Тикума сёбо: райбурари 037. [岡本かの子。東京：ちくま書房ライブラリー]. Токио: Тикума сёбо, 2009. 477 с.

Фурусаву Юкико. «Тамаки-но итинэнкан». Рэйдзё: кё:ику-но моногатари [古沢夕起子。『環の一年間』。令嬢教育の物語]. «Год из жизни Тамаки». Повесть о воспитании барышни. С. 109–117 // Тэккан то Акико [鉄幹と晶子] 第三号、上田博編、大阪：和泉書院]. Тэккан и Акико. № 3. Под ред. Уэда Хироси. Осака: Идзуми сёин, 1997.

Aida M. Suleymenova

*Far Eastern Federal University
8 Sukhanov Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation*

aidissimo@mail.ru

IMAGES OF CHILDHOOD IN THE WORKS OF JAPANESE WRITERS

The paper discusses the peculiarities of the works written by the Japanese authors in the first part of the twentieth century and devoted to children. The objects of the research are children stories and diaries created by the famous female poets and writers Yosano Akiko (1878–1942) and Okamoto Kanoko (1889–1939). The specifics of the children stories makes to evaluate the works as the whole complex of the oral children culture taking to account the fact that language and art images are interacting, intersecting and interpenetrating into each other. The linguistic and cultural features of the works are the individual approach to the adolescent who is entering into the life during the encounter of the Eastern and Western civilizations. The goal of the analysis was the axiological world picture, which had been created in the consciousness of the readers and their mentality in 1910–1930. The didactic approaches to the readers in the works of Yosano Akiko and Okamoto Kanoko, as the female authors, have been studied as well. The former writer juxtaposes the world of the educated people to the world of the feudal stagnancy and enclosure, introduces their readers to the discoveries made by themselves and their heroes. The latter writer expresses her own position to the search of the place in the life of her son Taro ran at that time.

Yosano Akiko, introduces to the young reader the discoveries made by her heroine in the story «The year in the life of Tamaki» («Tamaki no itinenkan». 1912). This character, the girl Tamaki, comes through some adventures, first in Japan, later in France and England. Young and adult readers knew the life of the Japanese children in Kyoto in the beginning of the twentieth century. The early 1910s was the time when the old traditional life was in state of current transformation – the rules were changing, the new, emancipated women were appearing, the Japanese started moving to and from their country with striking freedom. On the other hand, Tamaki faced the old patriarchal Japan – the surrounding of her friend Rinko, however girls could manage to meet their good friends. The circumstances and the story-telling genius of Yosano Akiko let Tamaki go to Europe; the heroes visited France and England. The new character Mary, a kind of mediator between the European people and the small Japanese girl, appears here. The role of Mary, the French girl, the new friend of Tamaki, is to present the achievements of the Western democracy to the implied Japanese reader and to help young readers to realize the image of another culture, other ways of communication. The writer tried to use her own experience of the European travel in 1912 in the form of the children story, though she used it in her travel writing «From Paris» («Pari yori», 1912) and the tanka collection «From summer to autumn» («Natsu yori aki e», 1914).

The other female writer and poetess, Okamoto Kanoko, expresses her attitude to the life experience and to the new generation. In the serial diary, in the form of correspondence «From Letters to Taro» («Taro-e-no tegami yori», 1930–1934), she appeals to her son, the teenager who started studying in Paris. Kanoko wishes to leave him her ideals, values and life styles in the form of messages, short letters dated according to the rules of Japanese diaries. In the diary-and-correspondence form the author presents the features of the transformations of the Japanese vernacular language and the changes of the Japanese literary style as the works of Okamoto Kanoko are samples of the so-called «women style» of the Japanese modern literature.

The presented discussion deals with the works of the Japanese modernist female writers which presentation of the childhood and their values are new for the East Asian literary studies.

Keywords: Japanese children literature, children stories, axiology, system of values, comparative linguistic and cultural studies

References

Vasilevich A. P. Otkuda beryotsya predstavleniye o natsional'nom kharaktere? [Where does the idea on national character come from?]. *Journal of Psycholinguistics*, 2010, no. 2 (12), p. 76–87. (In Russ.)

Mescheryakov A. N. Kniga yaponskikh obyknovenyy [The Book of Japanese Habits]. Moscow, Natalis Publ., 1999, 399 p. (In Russ.)

Epshtein M., Yukina E. Obrazy detstva [Images of Childhood]. *Novyi Mir [The New World]*, 1979, no. 12, p. 242–257. (In Russ.)

Yosano Akiko. Haha-no ai. Yosano Akiko-no douwa [与謝野晶子。母の愛。与謝野晶子の童話。松浦恵美子編。東京：婦人画報社]. The Mother's Love. Children Stories by Yosano Akiko. Matsuura Emiko (ed.). Tokyo, Fujin gahousha, 1998.

Okamoto Kanoko. Tarou-e-no tegami yori [岡本かの子。太郎への手紙よる]. From Letters to Tarou. P. 426–457. *Okamoto Kanoko [岡本かの子。東京：ちくま書房ライブラリー]*. Tokyo, Chikuma shobou raiburarii, 2009, 477 p.

Furusawa Yukiko. «Tamaki-no ichinenkan». Reijou kyouiku-no monogatari [古沢夕起子。『環の一年間』。令嬢教育の物語]. «The Year in the Life of Tamaki». The Novel on the Girls' Education. P. 109–117. *Tekkan to Akiko [鉄幹と晶子] 第三号. 上田博編. 大阪：和泉書院. Tekkan and Akiko*, vol. 3, Ueda Hiroshi (ed.). Osaka, Izumi Shoin, 1997.